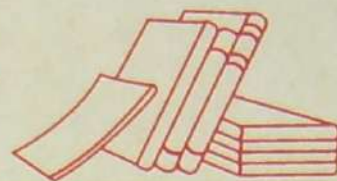
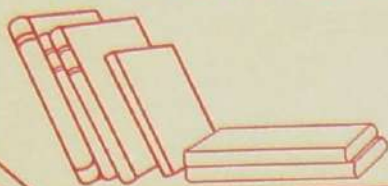

**ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА
ВETERАНА**

A large illustration in the background. The upper portion features a large, stylized red silhouette of a soldier in a winter coat with arms raised in a gesture of triumph or defiance. The lower portion shows a black and white illustration of soldiers in a trench. They are wearing helmets with a red star and are holding rifles. The scene is set against a dark, smoky background, suggesting a battlefield.

БОЙЦЫ ВСПОМИНАЮТ

Серия 11. Педагоги в боях за Родину

Челябинский областной совет ветеранов войны, труда,
Вооруженных Сил и правоохранительных органов

Л.А. Попов

Бойцы вспоминают

Серия 11. Педагоги в боях за Родину

**НАВСТРЕЧУ 70-ЛЕТИЮ
ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ**

Челябинск 2012г

Данная серия книг подготовлена к 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.г. при содействии Челябинского отделения ОАО «Сбербанк России»

Консультанты:

Козлов Евгений Николаевич,
участник штурма Берлина,
почетный председатель городского комитета ветеранов войны,
военной службы, боевых действий и правоохранительных органов.

Балашова Екатерина Павловна,
председатель педагогической комиссии
городского совета ветеранов

Рецензенты:

Белозерцев Анатолий Константинович,
председатель Челябинской областной писательской
организации, член Союза писателей России.

Терехов Алексей Николаевич,
кандидат исторических наук, доцент.

Попов Л.А.

Бойцы вспоминают. Серия 11. Педагоги в боях за Родину / Л.А. Попов –
Челябинск, 2012.

На обложке плакат худ. Кукрыниксы
Текст дан в авторской редакции.

Подписано в печать 05.12.2012 г. Формат 30х42/16.
Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 2,75. Тираж 120 экз.
Заказ № 151

Отпечатано в типографии «Сити Принт» (ПБОЮЛ Мякотин И.В.)
454080, г. Челябинск, ул. Энгельса, 61А. тел.: (351) 230-34-34; факс: (351) 230-25-26
ИНН 744 700 373 602

ПАМЯТЬ О ШТУРМЕ БЕРЛИНА

До войны Евгений Николаевич Козлов учился в школе № 30 г. Челябинска, из своих сверстников выделялся большой приверженностью к спорту, сдал нормативы на значки: ГТО, ПВХО, ГСО, «Ворошиловский стрелок», в 1939 году участвовал на всероссийских лыжных соревнованиях школьников в Архангельске и являлся перспективным учеником тренера — первого челябинского мастера спорта по лыжам М. П. Поносова.

В августе 1941 года, после окончания 10-го класса, Е. Н. Козлова призвали в армию и, учитывая его спортивную квалификацию, назначили инструктором по лыжной подготовке роты 11-й лыжной бригады, формируемой в Кургане, а через полгода его направили учиться в Московский институт физической культуры имени Сталина на военный факультет.

Закончив учебу с двумя кубиками в петлицах, Е. Н. Козлов получил назначение на должность командира взвода курсантов Уфимского пехотного училища. Службу он нес исправно, но рапорт за рапортом посылал по инстанции с просьбой направить его на фронт. И своего добился. В конце 1944 года он прибыл на передовую в состав 66-го стрелкового полка и вместе с ним продолжал путь на запад. Вспоминая о тех, уже далеких, днях, Е. Н. Козлов рассказывал: «Наступил 1945 год. Заветной мечтой каждого советского солдата оставалось стремление как можно быстрее дойти до Берлина, а когда, наконец, Красная Армия вплотную приблизилась к столице рейха, все почувствовали, что мечта эта реальна и победа близка. Но враг тогда еще не думал о капитуляции, его самолеты постоянно разбрасывали в расположения советских войск листовки примерно такого содержания: «Русские, мы вас специально подпустили к Берлину, чтоб разбить в пух и прах, как вы нас в 1941 году под Москвой. Если хотите

сохранить свою жизнь, сдавайтесь в плен, эта листовка будет для вас пропуском и гарантией».

А в наших подразделениях где-то в марте месяце зачитали приказ Сталина об отношении к местному населению Германии, в котором отмечалось, что Красная Армия идет не мстить, а освобождать немецкий народ от фашизма. И напоминалось о возможных последствиях за мародерство и грабежи.

В дни, предшествующие штурму Берлина, многие солдаты и офицеры вступали в члены ВКП(б), подал заявление о приеме в партию и я. Войска, готовые к решающему броску, находились в напряженном ожидании. Наконец 15 апреля пришел приказ о начале штурма, в котором товарищ Сталин ставил задачу взять столицу Германии к 1 мая. Рано утром 16 апреля Красная Армия обрушила всю свою мощь на врага, а 23 апреля бои развернулись уже на улицах Берлина, они не прекращались ни днем, ни ночью. В уличных боях порой в плен гитлеровцев не брали. Да они и не сдавались. А нам просто было не до них, ведь пленных нужно было куда-то определять и кому-то охранять. Учитывая это, комбат давал установку: «Бей их, пока не успели руки поднять!».

В развалинах зданий укрывались фаустники, через оконные проемы с расстояния до ста метров их двухкилограммовые снаряды поражали наши танки. Поэтому пехоте вменялось в обязанности очищать здания от немцев. Часто бывало так, что выбьем гитлеровцев с нижних этажей, они уходят на верхние, очистим верхние этажи, они опять появляются внизу. Нередко взятие дома заканчивалось рукопашной схваткой, только после этого танки продвигались вперед и начиналась зачистка следующего здания. Если встречались опорные вражеские пункты, их уничтожали артиллерией. А иногда на прямую наводку выходила катюша, ее снаряд, создававший температуру до 3000 градусов, уничтожал все живое.

Основные силы наступающих войск стремились к центру города, к рейхстагу. Наша же дивизия двигалась по окраине, охватывая Берлин с юго-западной стороны. Кругом все горело и дымилось. Мы несли большие потери. «Снял» снайпер командира роты. Погиб командир второго взвода – ему осколком оторвало челюсть. Ну а кто будет следующий, мы не думали и упорно двигались вперед. В ночь с 24 на 25 апреля мой взвод форсировал канал Тельтов. При переходе через мост противник встретил нас пулеметным огнем. Несколько человек упали замертво. Мы залегли. Укрыться негде. Соображаю, что

делать. Решаю, что наше спасение на том берегу, нужно броском добраться до него. С криком: «За мной!» вскакиваю и, перепрыгивая через убитых, бегу по мосту. Слышу сзади топот ног поднявшихся бойцов. А навстречу нам, прорезая ночную тьму, несутся трассы пуль. Ощущение было такое, будто светящиеся стрелы с шлейфом пламени летят прямо тебе в рот, хотя пули уже прошли мимо. Добегаем до берега, а там проволочное ограждение. Рубим его саперными лопатками, проволока такая, что искры разлетаются в разные стороны...

26 апреля мы вышли к Шпрее, перебрались по фермам взорванного моста на противоположный берег, и во время движения по какому-то парку нас вновь остановил вражеский пулемет. Мы залегли. Я поднес к глазам бинокль. Вдруг раздался щелчок, и из левого глаза струей брызнула кровь. Зажав рану рукой, успел подумать: «Хорошо, что не правый глаз». Стал захлебываться кровью, так как была перебита еще и переносица. Меня подхватили и под огнем противника переправили в медсанбат. В госпитале выяснилось, что осколок величиной со спичечную головку ударился о душку моего бинокля, срикошетил, сместил хрусталик левого глаза, вошел внутрь, под лобовую часть, и там, выше глаза, находится до сих пор. Врач назвал мое ранение удачным и добавил: «Еще бы один миллиметр, и все...».

Моему соседу по палате повезло не меньше. Ему пуля попала в глаз и, изменив направление по кривой, вышла наружу в затылочной части. После боя санитар, посчитав, что у него сквозное ранение в голову и нисколько не сомневаясь, что перед ним труп, взял его за ноги и поволок к яме. «Когда я очнулся, — рассказывал сосед, — увидел солдата, сидевшего на мне. Вероятно, он утомился и решил отдохнуть. Я же не могу ни языком, ни пальцем пошевелить. Усиленно моргаю уцелевшим глазом, показывая, что жив я, мол, жив. Солдат взглянул на меня, да как вдруг вскочет и как побежит прочь...». Слушая этого красноармейца, я подумал: «Он побывал одной ногой на том свете, а держится так достойно. Что ж мне-то унывать. Я непременно вернусь в строй».

Продолжая верить в силу спорта, в силу движений и тренировок, я каждый день по многу раз выполнял специальные упражнения. И в конце концов здоровье мое пошло на поправку. Но зрение не восстанавливалось. А для того, чтобы остаться в строю,

нужно было прочитать третью строчку сверху в таблице окулиста. Я же ни одной буквы в ней не видел.

— Да ты возьми и выучи эту строчку наизусть, — посоветовали мне.

Я так и сделал. Получил справку «годен к строевой», 28 июня 1945 года выписался из госпиталя города Львова и, как на крыльях, помчался искать свою часть. Среди развалин Дрездена нашел штаб 1-го Украинского фронта, где в отделе кадров какой-то майор мне объяснил:

— Ваша стрелковая дивизия походным маршем движется из-под Праги в Советский Союз и через два дня будет здесь.

— А нет ли у вас в штабе кого-нибудь из Челябинска? — поинтересовался я.

— Да вот Широков вроде бы из Челябинска.

— Димка что ли?

— А сейчас узнаем, — майор куда-то позвонил.

Вскоре открылась дверь и в комнату вошел бравый с орденами и медалями на груди старший лейтенант Широков, с которым мы в 1934 году заканчивали начальную школу № 12, располагавшуюся в двухэтажном здании из красного кирпича, чудом сохранившемся до настоящего времени на Бульваре Славы. Два дня я гостил у Дмитрия, а потом подошла дивизия, и я вернулся в свою роту, был изумлен и удивлен тем, что живым и здоровым в ней остался один старшина.

Я вновь возглавил взвод и походным маршем по Европе, через Германию и Польшу, зашагал на этот раз домой. Мы делали до 50 километров в сутки, через каждые три дня похода сутки отдыхали. 20 августа переходили государственную границу СССР у Бреста по деревянному мосту через Западный Буг. На противоположном берегу нас встречали с духовым оркестром. Грянувшая вдруг музыка так подействовала на солдат, что они невольно перешли на строевой шаг, мост закачался, как качели. Я кричу: «Идти не в ногу!» Но меня уже никто не слышал. У всех глаза словно остекленели, на лицах вздулись какие-то бугры, и я сам почувствовал, что у меня мороз по коже пошел, и пилотка на голове поднимается. Вышли на берег, прошагали еще метров 800. Остановились. Солдаты старших возрастов опускались на колени и ладонями ощупывают землю, какая она, родная земля.

— Товарищ лейтенант, посиди с нами, покури, — просят они.

В 1946 году Е. Н. Козлов из-за полученного ранения все же был вынужден оставить армию и уйти в запас. В Челябинске он работал в городе инспектором по военно-физической подготовке. Закончил Челябинский пединститут. До выхода на пенсию преподавал историю, был директором школы № 6 и школы-интерната № 12. А в 1994 году его избрали председателем городского комитета ветеранов войны. 9 Мая 2004 года на параде, посвященном Дню Победы, он шел в первой шеренге колонны челябинских фронтовиков в берете, с развернутыми плечами, легко владея строевым шагом. А ему ведь уже 80 лет, 59 из которых он носит в голове осколок от вражеского снаряда, оставшийся ему на память о штурме Берлина.

ОТ ПЛАЦДАРМА ДО ПЛАЦДАРМА

В Металлургическом районе Челябинска на улице Байкальской, за густыми кустами сирени стоит небольшой двухэтажный дом. В нем в 60-е годы размещалась школа рабочей молодежи № 23. Когда-то здесь бурлила жизнь. По вечерам парни и девчата, уставшие после трудового дня, целеустремленные и веселые собирались в школе, садились за парты и погружались в увлекательный мир знаний. В школе они находили новых друзей и мудрых наставников. Многим из тех учеников сейчас уже за пятьдесят. Проходя мимо своей школы, они невольно замедляют шаг, вспоминают школьные годы, товарищей и учителей.

В те годы в ШРМ № 23 сложился замечательный педагогический коллектив, основу которого составляли бывшие фронтовики-коммунисты: Николай Федорович Бодюл, Василий Макарович Каломкарьян и Иван Степанович Балакин, с которым нам удалось побеседовать о войне, спустя полвека после ее окончания.

И. С. Балакин начал войну наводчиком 45-миллиметрового орудия в возрасте 18 лет. О своем боевом крещении он помнит все до мелочей. «Это было под вечер 17 июля 1943 года, — рассказывал он, — мы подошли к переправе через Северный Донец в районе Купянска. Слышим гул самолетов. Это немецкие бомбардировщики. Вот уже с визгом летят бомбы. Раздалась команда: «Воздух!». А это означало, что нужно искать убежище в складках местности как можно дальше от переправы.

После бомбежки я и подносчик снарядов возвращались к переправе. Автоматчик остановил нас: «Сюда нельзя!». Но не сказал почему. Я первым прыгнул с берега на отмель, подносчик — за мной. Слышу — взрыв. Когда рассеялся дым, смотрю — мой товарищ лежит на земле, ему оторвало ступню ноги. Подбежал к берегу, автоматчик и кричит: «А, я вам говорил, что сюда нельзя. Здесь все заминировано. Теперь вам отсюда не выбраться. Вот сейчас расстреляю вас и концы в воду». Однако угрозу свою не исполнил. Я наскоро перевязал раненому ногу, перетащил его к берегу, и мы поползли к переправе, лавируя между установленными минами. Ползти было страшно. Любое неосторожное движение могло для нас оказаться последним.

А на переправе суeta — не до нас. Все стремились скорее переправиться на другой берег, где на захваченном накануне нашей пехотой плацдарме шел бой. С трудом я разыскал санитаров и передал им раненого. Фамилию его не помню, был он родом из Уфы и в два раза старше меня по возрасту. Когда мы с ним прощались, меня поразило то, что на его глазах блестели слезы радости. Ему ногу оторвало, а он радовался. «Теперь уж точно я останусь жив, вернусь домой, там у меня жена и дети», — говорил он.

Я переправился на плацдарм и помчался догонять своих. Но кого ни спрошу: «Где 227-й стрелковый полк? — никто не знает. Тогда стал искать свою 79-ю гвардейскую дивизию — тоже никто не знает. А между тем начало светать. Немцы зашевелились, открыли огонь. Мы залегли. Так я оказался на переднем крае среди пехоты. Поступила команда: «Вперед!». А у меня нет ни карабина, ни даже саперной лопатки, все осталось в обозе. Навстречу нам двигалась волна отступающих солдат. Какой-то командир, размахивая пистолетом, пытался остановить охваченных паникой людей, кричал: «Назад! Расстреляю!» и свою угрозу подкреплял крепким матерным ругательством. В этой суматохе я и не заметил, что наша батарея стояла совсем рядом. Батарейцы же меня заметили. И, таким образом, побывав несколько часов в пехоте и даже один раз сходяв в атаку, я вернулся к своему орудию.

Плацдарм вначале был небольшой, километров 7 в длину и километра 3—4 в глубину. Он простреливался почти изо всех видов оружия. Мы оборудовали позиции в большом фруктовом саду. Куда ни посмотришь — всюду яблони, груши, вишня, черешня. Здесь находились блиндажи и траншеи, оставленные немцами. Бывало при-

летит снаряд, ударит рядом, и с дерева яблоки сыплются тебе прямо в окоп. Берешь их и ешь, утоляешь жажду. А через две недели картина полностью изменилась: от деревьев ничего не осталось, вся земля превратилась во вспаханное поле. Кстати, и деревня, находившаяся рядом, почему-то называлась Голой Долиной.

Таких истерзанных войной участков земли на нашем пути встречалось немало. Однажды мы получили приказ выдвинуть орудия ближе к пехоте и отразить атаку танков. Лишь только мы установили орудия, как в воздухе появилась «рама», немецкий самолет-разведчик, а следом за ним немцы открыли ураганный огонь по батарее. Затем прилетели «мессершмитты» и на бреющем полете стали расстреливать наши позиции. Два орудия от прямого попадания вышли из строя. Расчеты погибли. И в это время пехота начала отходить. Нам же оставлять свою технику при отступлении не полагалось. И мы втроем, из оставшихся в живых, впряглись в уцелевшее орудие и с большим трудом через кукурузное поле укатили его в укрытие.

Вскоре появились немецкие танки. Пока наше орудие они не замечали. Я долго ловил в перекрестье прицела головную машину с белым крестом на башне. Не торопился. Время позволяло. Пушка гавкнула, и через секунды танк завертелся на месте. Снаряд перебил ему гусеницу. Остальные танки резко свернули влево, решив, вероятно, не рисковать и обойти наше орудие стороной.

После боя выяснилось, что командир нашей батареи, бесстрашный опытный офицер, погиб, а его ординарец тяжело ранен. На другой день на батарею прислали нового командира, а меня к нему назначили ординарцем.

Сидим мы как-то в окопе на наблюдательном пункте. Голову поднять невозможно. Каску положишь на бруствер или даже просто лопату, тут же в них появляются пробоины. А командир говорит: «Иди к первому орудию, передай мой приказ, чтобы его передвинули вон к тому разбитому дереву». Страх великий, но нечего делать, приказ надо выполнять. Выскочил я из окопа, короткими перебежками, меняя направление, падая и отползая, добрался до орудия. Вижу: орудие разбито, колесо горит, из расчета в живых никого нет. Я — обратно. Ко мне присоединился какой-то солдат. Смотрю, летят низко над землей самолеты. Чувствую, догоняют. Бросаюсь в окоп. В соседний окоп прыгнул еще кто-то. Бомба упала совсем рядом. Земляная стенка между окопами разрушилась, и я увидел своего незнакомого попутчика, изо рта у него шла кровь, он полностью оглох, и у меня тоже

сильно шумело в ушах. Выкарабкиваемся из окопа. Я бегу к командиру батареи и вдруг чувствую, что будто кто-то ударил меня по ноге палкой. По инерции пробежал еще несколько шагов и свалился в окоп. И тут только увидел, что задняя часть ботинка у меня вырвана вместе с обмоткой. Подползаю к командиру. Он уже сам все видел. Его трясет, как в лихорадке. Он пытается взять себя в руки, но не может...

Мне сделали перевязку. Вечером солдаты, которые пошли за ужином для батареи на тот берег Донца, взяли и меня. Ступать на ногу я уже не мог, прыгать на одной ноге тоже не мог. Опираюсь на плечи товарищей и им, и мне неудобно, поэтому половину пути я полз за ними. Помню, колени избиты были в кровь. Меня поместили в госпиталь. После выздоровления я попал в другую часть, которая с боями продвигалась на запад. Мы форсировали реки Ингул, Ингулец, Южный Буг и в апреле 1944 года Днестр. Здесь был образован плацдарм наподобие того, на котором мне пришлось принять боевое крещение. В ночь с 9 на 10 мая 1944 года немцы начали наступление на этот плацдарм, пытаясь, во что бы то ни стало его ликвидировать. Бросили на нас танки и в одном месте прорвали оборону, зайдя в тыл нашей батареи. Мы развернули орудия на 180 градусов и продолжали бой. Один танк подбили. Снаряды рвались рядом с нашими позициями, один из них разорвался совсем близко, сразил наповал заряжающего, а я почувствовал сильный удар в плечо. Смотрю: из разных мест левого плеча и предплечья течет кровь. Мне сделали перевязку и переправили в полевой госпиталь в Бендерах. Там на больничной койке я прочитал заметку в фронтовой газете о том, как наводчик первого орудия И. С. Балакин подбил немецкий танк, будучи раненым.

После госпиталя с группой выздоравливающих бойцов мы прошагали по военным дорогам Молдавии, Румынии и Болгарии, где и встретили День Победы.»

После войны И. С. Балакин окончил Курганский педагогический институт и филологический факультет Уральского университета. Работал директором школы в городе Касли, инструктором райкома партии. А с 1960 года преподавал историю в Челябинской школе рабочей молодежи № 23, был секретарем парторганизации этой школы.

В 1991 году в связи с так называемой перестройкой вечерние школы стали закрываться. Прекратила свое существование и ШРМ №

23. Иван Степанович ушел работать на производство. Работал много. Но связь с бывшими педагогами школы и учениками сохранял до последних дней своей жизни.

САМ ПОГИБАЙ, А КАТЮШУ СПАСАЙ

Первое гвардейское минометно-артиллерийское училище им. Л. Б. Красина, эвакуированное в начале войны в г. Миасс, располагалось в здании автомобильного техникума. В нем готовился командный состав для новых подразделений реактивной, секретной в то время, артиллерии. Многие челябинцы познавали в этом училище азы военной науки. Один из них, Ваганов Григорий Иванович, поступил в училище в 1942 году и через год учебы уже был на фронте. Будучи командиром боевой машины реактивной артиллерии, получившей наименование «катюша», он выполнил первый залп на Орловско-Курской дуге, а последний по осажденному рейхстагу в Берлине. «На фронте мы придерживались принципа «Сам погибай, а катюшу спасай», – вспоминал Г. И. Ваганов. – Появление в Красной армии реактивной артиллерии сильно беспокоило фашистов. Сам Гитлер неоднократно требовал от своих генералов во что бы то ни стало поймать электрическую машину русских. Зная об этом, мы проявляли максимальную предосторожность, после каждого залпа сразу же уводили свои машины в укрытия. А на всякий случай за кабиной шофера катюши всегда имелся запасной бак с горючим и 8 килограммов взрывчатки.

Немцы охотились за катюшей, но весь секрет заключался не в самой машине, а в устройстве ее реактивного снаряда, длина которого была метра полтора, диаметр (калибр) – 130 миллиметров, весил он 50 килограммов. Мы вдвоем поднимали такие снаряды и вставляли на направляющие установки по 8 штук сверху и по 8 штук снизу. Поступали к нам снаряды в деревянных ящиках, каждый раз вскрывая их я испытывал странное волнение, как будто соприкасался к посылке, присланной из дома, где остались мои родители, испытывавшие нужду, недоедание и сутками находившиеся в заводских цехах на работе. Снаряды в ящиках лежали в ряд по четыре штуки, отшлифованные до блеска, с выкрашенными в черный цвет стабилизаторами и в красный цвет – соплами, от них пахло металлом и заводской упаковкой. Хорошо сознавая, какой огромный труд вложен в их

изготовление тружениками тыла, мы старались каждый снаряд отправить точно по назначению и тщательно хранили секреты своего оружия.

Однажды в Польше в окрестностях г. Люблина прибыла к нам делегация поляков и стала просить не стрелять по городу, поясняя, что г. Люблин – древняя столица польских королей, в нем много уникальных архитектурных памятников.

– Вы обратились не по адресу. Мы не стреляем. Мы пожарники. А это – пожарные машины, – ответили им наши командиры, указывая на зачехленные брезентом катюши.

– Э нет, панове, мы знаем что это за машины, слава русских катюш уже давно перешла линию фронта, – ответили поляки и предложили: – Немцы сейчас выходят из города, вот и бейте их там на окраине.

Просьба поляков, вероятно, повлияла на решение командира, он выслал вперед разведчиков на мотоциклах, и вся наша колонна из восьми катюш и столько же вспомогательных автомашин двинулась мимо небольшой рощи по проселочной дороге на огневые позиции. Я ехал на передней машине. И вдруг вижу – впереди дорога перекопана, и совсем не далеко мелькают каски гитлеровских солдат. «Засада! – промелькнула мысль, – что делать?» Дать залп, но как? Ведь направляющие нашей установки расположены под углом 20 градусов вверх. А шофером у меня был Геннадий Липоглавец – мудрый, опытный старик. «Не дрейф, командир», – сказал он и заехал передними колесами в кювет, после чего снаряды, подвешенные на направляющих, оказались параллельно земле и обращены в сторону противника. Вот уж тут от всей души я крутонул реостат. Вздрогнула наша машина. И все шестнадцать снарядов один за другим огненным смерчем понеслись в сторону врага. Командиры шедших за нами катюш, увидев опасность, развернули свои машины и ушли обратно. Мы же при отходе с позиции попали под минометный огонь. Чем-то горячим обожгло мне руку и ногу, через разрыв в шинеле начала просачиваться кровь. Шофер, изогнувшись в неестественной позе, старался побыстрее вывести машину из-под обстрела. Из-под его гимнастерки струйками стекала кровь.

– Ну все, Григорий, я теряю сознание, – тихо проговорил он, с трудом выговаривая слова.

Я поднял его гимнастерку, а там... Осколок располосовал ему живот, внутренности вывалились наружу и лежали у него на коленях,

как на блюдечке. Это сейчас слегка поранив палец мы скорее бежим на перевязку, а тогда к крови, к смерти мы привыкли настолько, что порой не обращали на них внимание. Я вымыл руки в спирте, вложил внутренности на место, смочил полотенце в спирте, перевязал им рану шофера, дал ему немного спирта вовнутрь и сам сел за руль. А практической езды на автомобиле было у меня всего восемь часов. Геннадий полулежа на спине помогал мне своими советами. Я ехал вначале на первой, потом на второй скорости. Рукав шинели пропитался кровью, но я не ощущал никакой боли. Когда наконец мы въехали в расположение своего дивизиона и я увидел знакомые мне ящики с поблескивающими на солнце реактивными снарядами, то почувствовал себя вдруг, как дома. Открыв дверцу кабины, ступил на землю, но резкая боль пронзила мне ногу, напомнив о ранении. Появился санинструктор, и нас с Геннадием отправили в госпиталь.

После войны Г. Липоглавец работал на железной дороге, последние годы жизни жил под Челябинском в селе Долгодеревенское. Я в 1957 году демобилизовался и тоже вернулся в Челябинск. Мой отец уже тяжело болел. Перед смертью он подозвал меня к себе и сказал: «Сынок, а снаряды-то для ваших катюш мы делали на заводе имени Коллющенко и давали расписку никому и никогда об этом не рассказывать». В моей памяти невольно промелькнули эпизоды фронтовой жизни, и слова об единстве фронта и тыла стали иметь для меня совсем другое значение.»

После войны подполковник в отставке Г. И. Ваганов окончил Челябинский госпединститут. Работал в школе. Дружил со спортом. Среди его спортивных побед значатся восхождение на вершину Эльбруса в честь пятидесятилетия Советской власти, покорение самой высокой вершины Карпат горы Гаверла, вулкана Авача на Камчатке и другие.

24 ноября 2012 года Григорию Ивановичу исполнилось 88 лет. Он по-прежнему сохраняет высокую работоспособность. Продолжает работать преподавателем ОБЖ в художественном училище, передает свой опыт и знания молодежи, показывая пример беззаветного служения Отечеству. И активно участвует в работе региональной общественной организации участников боевых действий «Родина».

ОТСТУПЛЕНИЕ

22 июня 1941 года войска мотострелкового корпуса, дислоцированного под Псковом, были подняты по тревоге и после

кратких и суровых митингов, прошедших в подразделениях, выступили на запад, навстречу наступающему врагу. В Прибалтике, в местечке недалеко от Двинска, они встретились лоб в лоб с аналогичным мотострелковым соединением немцев. Несколько суток полыхали бои. Днем облака пыли, поднимаемые разрывами снарядов и бомб, заслоняли солнце. Ночью вспышки разрывов, сполохи огня озаряли окрестность на многие километры. Чувствовалось, что враг, не ожидавший такого сопротивления, выдыхается. Но с правого и с левого флангов противник уходил вглубь советской территории. Под возрастающей угрозой окружения мотострелковый корпус был вынужден отступить. В этих боях участвовал челябинец Семен Филиппович Олейников, который, вспоминая о первых днях войны, рассказывал: «Сейчас современные авторы, пишущие о войне, почему-то более, чем часто, обращают внимание на то, что войска наши отступали плохо, неорганизованно, не так, как надо. А мне вот пришлось много раз выходить из окружения, долго отступать вначале на восток, потом на северо-восток, а затем еще и на запад. И всегда отходили мы с невероятными трудностями, но организовано, планомерно, правда, иногда приходилось уничтожать свою же технику или бросать ее, но личный состав сохраняли.

Войну я начал начальником радиостанции 6ПК и 5АК, установленной на автомобиле ГАЗ-3А, имевшем ходовую часть в виде метало-резиновых траков. Радиостанция всегда находилась при штабе. А я, как связист, знал обо всем, что делалось в корпусе. Приказ на отступление в период первой схватки с врагом для мотострелков оказался неожиданным. Отходили они мрачными, считая, что отступление равно поражению. Танкисты тянули за собой на буксире захваченный в бою броневик немецкого генерала, по виду похожий на наш, но колеса его были чуть больше прикрыты броней. В схватке его сильно помяли. Но экипаж на приказы открыть люки и выйти из машины не отвечал. А когда внутри броневика раздался хлопок пистолетного выстрела, решили подорвать дверцу броневика гранатой. Внутри оказались четыре трупа: генерал, его адъютант, стрелок и водитель. Восточнее Двинска, отступая, наша колонна двигалась по узкой дороге, проложенной между двумя болотами, при выходе из которых разведка обнаружила поджидающие нас замаскированные немецкие танки. На раздумывание времени не оставалось. Несколько машин имитировали прорыв через засаду. А в это время бойцы основного состава вывели из строя всю свою технику и, изменив

направление, двинулись через болото. Шли долго, выбиваясь из сил, падали, поднимались и снова, от кочки к кочке, пробирались через зеленую жижу, преодолевая невероятную усталость. Очень хотелось хотя бы на минуту остановиться, присесть, но вокруг — вода, иногда доходившая до плеч. А отставание от товарищей было смерти подобно, так как в одиночку из болота не выйти.

Грязные, измученные мы достигли все же твердой почвы. Поблизости оказалось село, где еще сохранялась советская власть. Колхозники накормили нас, поддержали и дали продуктов на дальнейшую дорогу. Мы вышли из окружения со сравнительно малыми потерями.

При отступлении от Старой Руссы я уже шел в колонне, так как моя радиостанция была разбита и брошена на поле боя. Как положено, впереди двигалась разведка, позади — группа прикрытия. Когда потребовалось взорвать за собой мост через реку, мне поручили помогать взрывникам. Мы уложили взрывчатку, замаскировали ее, протянули провод в укрытие и стали ждать. Колонна наша уже ушла далеко, когда послышался рокот подъезжающих с того берега машин. Как молоток, стучало у меня в груди сердце. От волнения стало трудно дышать. А вдруг заряд не сработает, противник прорвется и тогда нам от него уже не скрыться, — думал я. Немцы же, пренебрегая всеми правилами осторожности, даже не остановились у переправы. Первым на мост выехал их танк, за ним автомашина. И когда они достигли середины пролета, сержант Изотов крутанул ручку взрывной машинки, Мы увидели, как танк, вздрогнув, тяжело приподнялся, перевернулся набок и вместе с обломками моста рухнул в воду. За ним капотом вперед полетела автомашина.

Местность в тех местах равнинная, с редким кустарником. Поэтому при отходе нашу группу противник легко обнаружил и открыл огонь с противоположного берега. Вот здесь потерь избежать не удалось. Четвертый раз мы выходили из окружения, можно сказать, почти культурно. Начали движение батальоном численностью примерно 500 бойцов, а к своим вышли отрядом около 1500 человек. В послевоенном кинофильме «Живые и мертвые» очень хорошо показана обстановка отступления. Да, все точно так и происходило, только оружие у нас никогда не отбирали. Новый 1943-й год встретили мы по-солдатски скромно. Разлили в алюминиевые кружки по сто граммов. Выпили за победу, контуры которой уже начали вырисовываться. Фронт стабилизировался. Прижали немцев под Сталин-

градом. Войска на нашем участке тоже начали продвигаться вперед. В феврале, после продолжительного ночного боя, мы выбили противника из небольшого селения южнее Ленинграда. Штаб батальона перебазировался в это село. Я развернул радиостанцию на новом месте. А утром приходят ко мне ребята из второй роты и говорят:

— У нас свежих газет уйма. Если тебе нужно — приходи к нам вон в тот, - и показывают на чудом уцелевший двухэтажный домик возле крохотной церкви с голубыми куполами, — дадим сколько надо.

Когда я посетил их, то увидел сложенные в стопки газеты «Правда». Развернул одну из них. Но что это? Газета «Правда», а на ее страницах злейшая карикатура на советских маршалов и генералов, якобы убегающих от немецких войск. Посмотрел внимательно и увидел внизу приписку, поясняющую, что газета издается немецким командованием для населения освобожденных от коммунистов территорий. Я показал эту «Правду» начальнику штаба. Он посмотрел ее и говорит:

— Сходи, принеси еще несколько таких газет.

Я пошел, поднялся на второй этаж, открыл дверь и... Даже не услышал взрыва снаряда, ничего не почувствовав, оказался в небытие. Очнулся в подмосковном госпитале, слышу возле меня стоят врачи, что-то делают с моим глазом. Спрашивают:

— Правым глазом видишь свет?

— Нет.

— А левым?

— Немного вижу.

— Ну что ж, сынок, — говорят, — один глаз может быть тебе спасем.

Потом много раз перевозили меня из одного лечебного учреждения в другое, пока не оказался я в Челябинске, в госпитале, расположенном в здании бывшего педучилища, напротив старого цирка.

В 1944 году, после проведенного курса лечения, меня выписали с удручающей записью в личном деле: «Не годен к военной службе». Уезжать мне было некуда. Я устроился в жилконтору на нудную и скучную работу. Однажды, проходя по улице Труда, увидел на столбе приклеенное объявление о приеме студентов в Челябинский пединститут. А до войны я уже заканчивал педагогическое училище и, о многом подумав, решил вернуться к первоначальной профессии...»

После окончания Челябинского педагогического института С. Ф. Олейников в течение 30 лет преподавал физику в школах города. 12 октября 1999 года он вновь пришел в свой институт. На этот раз, чтобы принять участие в предвыборной встрече с секретарем ЦК КПРФ Г. А. Зюгановым, послушать которого собралось много молодых патриотов и не менее — седовласых ветеранов. Семен Филиппович стоял среди них на ступенях крыльца вуза, поправляя свои длинные, по гвардейски закрученные усы. Один глаз его закрывала черная повязка. На лацканах пиджака сверкали орденские колодочки и почетный знак «50 лет в КПСС».

Откуда-то появились два чиновника в штатском и стали «наводить порядок». Они кричали на сторонников Зюганова, срывали их плакаты и бросали на асфальт портреты Ленина, Сталина, Жукова, нисколько не стесняясь того, что рядом находились пожилые люди, и не обращали внимание на протесты участников, инвалидов Великой Отечественной войны.

НЕУТОМИМЫЙ ВЕТЕРАН

Александр Прокопьевич Ушаков в 1938 году окончил педагогическое училище в Миассе. В 1941 году — артиллерийское училище в Томске. Участвовал в Великой Отечественной войне, командуя гаубичной батареей, артиллерийским дивизионом, дошел до Эльбы. Был удостоен двух орденов Отечественной войны и трех орденов Красной Звезды. После войны окончил Высшую артиллерийскую офицерскую школу в Ленинграде, служил в Чебаркульском гарнизоне, а затем преподавал историю в школе, был директором школы № 53 в Челябинске. И половину жизни посвятил сбору материалов о Героях Советского Союза — южноуральцах. В 1985 году вышла из печати его книга «Во имя Родины», но ветеран не остановился на достигнутом, продолжал работать в архивах, искать сведения о героях-земляках. В результате он подготовил к печати труд, в котором собраны материалы о всех Героях Советского Союза, Героях России и полных кавалерах орденов Славы, чья жизнь была связана с Челябинской областью, сделав в свои 86 лет (он родился 2 февраля 1919 года) бесценный подарок землякам к 60-летию Победы над фашистской Германией. О себе А. П. Ушаков рассказывает мало. Говорит, что «языков» на фронте не брал, на прямую наводку не

выходил. Но его рассказы о фронтовой жизни представляют неподдельный интерес.

1. Переправа

Накануне наши войска переправились через пролив, разделяющий Чудское и Псковское озера, захватили на противоположном берегу плацдарм и завязали бои за его расширение, в ходе которых получил смертельное ранение командир артдивизиона майор Страхов. Мне поручили возглавить арт-дивизион. Я провел все необходимые приготовления к переправе на плацдарм. В то утро над Чудским озером стелился легкий туман. Где-то здесь в 1242 году дружина Александра Невского наголову разбила рыцарей Ливонского ордена, а теперь нам предстояло освободить родную землю от захватчиков. Со стороны противоположного берега появились 18 немецких бомбардировщиков. «Наверное, летят бомбить идущее к нам подкрепление», — подумал я. Командир 5-й батареи старший лейтенант Васильев подал лодку. Мы шестером заняли в ней места и отчалили от берега. Правее нас переправлялась полковая артиллерия. Один из паромов с пушкой, автомобилем и людьми, буксируемый катером, был уже метров в ста от правого берега. А другой паром, точно такой же, отошел от нашего берега метров на 200. И в это время немецкие самолеты, вероятно, сделав круг над озером и выждав подходящий момент, выстроились в цепочку и один за другим стали пикировать и сбрасывать бомбы на переправу. Вода буквально закипела в проливе. Несмотря на то, что мы были на значительном расстоянии, нашу лодку подбрасывало и колотило на волнах. Все это длилось какие-то мгновения. Оба паромы оказались разбиты и потоплены, катера еще держались. Самолеты, развернувшись, пошли на второй заход, теперь уже расстреливая из пулеметов все, что осталось на плаву. Мы, выбиваясь из сил, гребли и веслами, и снятыми с упоров сидениями, и просто руками, но до берега было еще далеко. Первая трасса пуль прошла возле кормы лодки совсем близко. Казалось, что сейчас вторая очередь из пулемета вражеского самолета разобьет лодку в щепки. И в это время в воздухе появилась шестерка наших истребителей, которые, как коршуны, набросились на немецкие самолеты. Вражеские бомбардировщики, не приняв бой, стали быстро уходить, истребители преследовали их. Мы же продолжали грести, не снижая темпа. И только когда нос лодки коснулся противоположного берега, мы с облегчением вздохнули.

2. 8 Марта 1944 года

После освобождения Новгорода и короткого отдыха в Чудово наш дивизион погрузился в эшелоны и 7 марта прибыл на Балтийский вокзал Ленинграда, где предстояла непродолжительная стоянка. Ко мне подошел писарь штаба Макаров и посетовал, что в Ленинграде живут его родственники, очень хотелось бы их навестить, но без офицера солдату выходить в город не разрешается. Я доложил об этом командиру дивизиона.

— Ну что ж, сходи с ним, если есть желание, — ответил он.

Ленинград встретил нас не только величием старинной архитектуры, удивительно красивыми зданиями, но и чистотой и порядком на улицах. Следы недавних бомбежек и артобстрелов были мало заметны. Зашли в магазин, а там — шаром покати. Но стоят автоматы по продаже спиртного. Мы купили жетончики и остограммились. По широким мраморным ступеням поднялись на второй этаж старинного дома, где в одной из комнат жили родственники Макарова. Его сестра и сноха — дамы примерно нашего возраста — встретили нас с нескрываемой радостью.

— Своим посещением вы сделали нам большой подарок к празднику, — говорили они.

— К какому празднику? — поинтересовался я.

— Так завтра же 8 Марта, Международный женский день.

— О, такое событие нужно обязательно отметить.

Накрыли стол. А вот единственным угощением было только спиртное, закуски не было.

Утром мы пришли на вокзал и сердце мое дрогнуло — наш эшелон на путях отсутствовал. Излишне объяснять, что это такое — отстать от поезда в военное время, да еще в прифронтовой зоне. Попробуй докажи, что ты не дезертир. По совету военного коменданта вокзала мы на санитарном поезде, идущем на фронт, пытались догнать свою часть. И только в Гатчине мы увидели, как от вокзала отходит какой-то воинский эшелон. Не дожидаясь полной остановки санитарного поезда, выпрыгнули на перрон, в считанные секунды догнали эшелон и заскочили в тамбур последнего вагона. Что это был за эшелон и куда он шел, мы не знали. На первый же остановке перебежали к открытой двери вагона-теплушки. И — о чудо! — возле толпящейся вагонной печки-буржуйки увидели знакомые лица. Эшелон этот оказался нашим. Поднявшись в вагон, я прежде всего поздравил бойцов и командиров с праздником!

— С каким? — спрашивают они.

— Сегодня 8 Марта, Международный женский день, — многозначительно и со знанием дела пояснил я.

— Да здравствуют советские женщины! — раздалось вдруг в вагоне. Кто-то захлопал в ладоши. Начался шум, гам, все наперебой стали рассказывать друг другу об оставшихся далеко на родине своих матерях, сестрах, любимых подругах. А эшелон в это время отошел от станции и быстро набирал скорость. До линии фронта уже было недалеко. Вскоре мы прибыли в город Кингисепп и заняли позиции вдоль берега реки Нарвы.

3. Необычная встреча

6 мая 1945 года назначили меня комендантом небольшого городка Кляйнклинкель в Германии. Я прибыл к месту новой службы с двумя солдатами и двумя сержантами. Мы расположились в двухэтажном доме, первый этаж которого был занят какими-то топчанами. Со второго этажа были видны разноцветные крыши домов и узкие улочки, заполненные разбитой техникой и брошенными автомобилями. На следующий день явились в комендатуру первые посетители, два старичка лет под 60 каждому, и говорят: «Гер комендант, мы русские, в Первую мировую войну попали в плен, здесь женились на немках, имеем свои семьи и здесь живем, что нам делать?». Таким вопросом меня — строевого артиллериста — они поставили в тупик. Что им ответить? Спросить не у кого, инструкций на сей счет никаких нет.

— Ну что ж, — отвечаю им, — живите как жили, только помогите обустроить комендатуру так, чтобы мне не было стыдно, когда придут на прием ваши земляки.

К вечеру старики доставили новую мебель, установили лампу, работающую от батареек, и комендатура приняла надлежащий вид.

Через несколько дней пришла ко мне на прием молодая женщина и говорит:

— Я украинка, вышла замуж за немецкого офицера, живу здесь с его родителями, что мне делать?

— Живите, как считаете нужным, — ответил я ей, уже имея опыт беседы с русскими стариками.

Месяца через полтора меня перевели в город Стендель, где произошла еще одна необычная встреча. К дочери хозяина дома, где я жил, приехал ее жених, и мы встретились с ним за одним столом.

Дочь хозяина украдкой бросала взгляд то на меня, то на своего жениха. Выяснилось, что мы с ним ровесники, я – старший лейтенант, и он был старшим лейтенантом, он на фронте командовал батареей, и я был командиром батареи. Его батарея располагалась на Синявинских высотах под Ленинградом, а моя — под Синявинскими высотами на болоте. От такой встречи я сильно разволновался, но ничего поделать было нельзя, война-то окончилась.

БОМБА – ДУРА, А МИНА – МОЛОДЕЦ

На следующий день после объявления о начале войны с Германией группа десятиклассников из челябинской школы № 36, в числе которых был Эрнст Иванович Кузнецов, обратилась в военкомат с просьбой отправить их на фронт добровольцами.

— Рано пришли, пока учитесь в школе, когда надо будет призовем, — ответили ребятам в военкомате.

В декабре 1941 года прибыл в Челябинск представитель Высшего военно-морского училища имени М. В. Фрунзе для набора курсантов на первый курс училища. В военкомате о ребятах вспомнили и пригласили на собеседование. Из двадцати кандидатов-челябинцев в курсанты отборочную комиссию прошли только трое, в их числе Э. И. Кузнецов. Срок обучения в училище, перебазировавшемся к тому времени из Ленинграда в Астрахань, а затем в Баку, составлял 4 года. С октября по май курсанты овладевали морской наукой в учебных аудиториях, когда требовалась обстановка, поднимались по тревоге, принимали участие в боевых операциях по ликвидации групп диверсантов, забрасываемых противником в нефтеносные районы Баку. А с мая по сентябрь проходили практику на кораблях Каспийской флотилии и Черноморского флота, где несли противолодочные и противовоздушные дозоры. Защищали побережье Кавказа от атак подводных лодок и авиации противника, проводили корабли по фарватеру с одновременным тралением морских путей. А также доставляли грузы по ленд-лизу из Ирана в Астрахань.

В 1946 году вручили Э. И. Кузнецову заветные лейтенантские погоны и кортик. Как отличник учебы он имел право выбора места дальнейшей службы. Он выбрал Северный флот, где за боевые траления, и за оборудование, и охрану полигона, предназначенного для испытания ядерного оружия на Новой Земле, был удостоен двух

орденов Красной Звезды. В 1958 году, после увольнения в запас, он поступил в Челябинский госпединститут на заочное отделение, с отличием окончил его, преподавал в школах историю, стал отличником просвещения и до настоящего времени, несмотря на 80-летний возраст, продолжает работать в Челябинском лицее № 31. Однажды, накануне дня Советской Армии и Военно-морского флота, в его классе зашел разговор о воинском долге, героизме и морской службе. Ученики попросили своего учителя рассказать о самом памятном эпизоде из его морской биографии. В классе установилась необычная тишина, когда Э. И. Кузнецов начал свой рассказ: «Мне приходилось не раз попа-дать в море под бомбежку, но, как видите, я нахожусь перед вами. Поэтому известное изречение А. В. Суворова «Пуля – дура, а штык – молодец», я переиначил, как «Бомба – дура, а мина – молодец». Действительно, подрыв на mine небольшого корабля всегда приводит к его гибели. Одна из таких мин поджидала наш корабль-тральщик Т-116 среди седых волн полярного моря. Тогда мы шли малым ходом в несколько десятков миль от побережья полуострова Рыбачий, по Мотовскому заливу, представлявшему в то время компот из мин. Здесь плавали, оторвавшись от минрепов, и немецкие мины, и наши, и даже оставшиеся после Первой мировой войны. В тот день стоял густой туман. Видимость нулевая. Я нес вахту на мостике. На баке (на носу) находился старшина сигнальщиков матрос Андрей Парашков. И как только он сумел усмотреть в тумане качающуюся на волнах «рогатую смерть», я ума не приложу. Услышав его крик «Мина – прямо по курсу!», я подал команду «Лево на борт!», затем «Право на борт!» и «Стоп машина!» Гляжу, а Парашкова на баке уже нет. Оказывается, он прыгнул в воду и, опираясь спиной о корпус корабля, руками отталкивал мину в сторону. И тем самым предотвратил столкновение корабля с миной. Вода же в Баренцевом море и зимой и летом плюс 4 градуса. В такой воде человек более 20 минут выдержать не может. Мы включили прожектор, спустили шлюпку. Парашкова нашли быстро. Подняли его на борт. За этот поступок он был награжден орденом Красной Звезды, и ему присвоили офицерское звание младшего лейтенанта.

В 2003 году я с делегацией челябинских ветеранов-моряков побывал на праздновании Дня ВМФ в Североморске и до глубины души был растроган встречей со знакомыми местами. Увидел то же море, те же скалы, те же чайки кружили над пирсом, но корабли и

люди были другие. Я смотрел на молодых матросов, завидовал им и думал, а найдутся ли среди них, если грянет беда, такие же герои, как матрос Парашков, ведь их корабли больше сейчас стоят у стенки, чем бывают в море. Главным событием в Североморске стал Военно-морской парад. Перед нами предстал грациозный корабль «Адмирал флота Кузнецов», корабль-гигант «Петр Великий», который может ходить в дальние походы без боевого охранения. Мы наблюдали погружение под воду и аварийное всплытие атомных субмарин, а также дизельных, самых бесшумных, современных подводных лодок, высадку десанта на берег с большого десантного корабля и др. А в воздухе летчики эскадрильи «Русь» выполняли головокружительные фигуры высшего пилотажа: то свечой взмывая вверх, то проносясь низко над морем, едва не задевая мачты кораблей, наглядно демонстрируя факт того, что как не велик и суров океан, а хозяин-то на нем все-таки человек, умеющий владеть сложной техникой и обладающий высокими морально-волевыми качествами, которыми всегда отличались моряки России. После увиденного в Североморске у меня уже не было сомнений в том, что современные моряки, несмотря ни на что, смогут, когда потребуется, выполнить свой долг перед Родиной».

Прозвенел звонок, извещающий об окончании урока. Ребята окружили своего учителя и засыпали его вопросами. Их интересовало все, особенно что потом стало с миной, на которой едва не подорвался Т-116. «У моряков существует закон, — продолжал рассказ Э. И. Кузнецов, — если военный корабль встречает в море мину, он обязан ее обезвредить. Мы осветили мину прожектором, отошли на безопасное расстояние и расстреляли ее из пушки. В густом тумане прозвучал сильный взрыв, поставив точку в этой истории».

БОЕВОЕ ЗАДАНИЕ

Борис Андреевич Крупейников родился 25 июля 1925 года в пристанционном жилом поселке Владимирской области. В 17 лет его призвали в РККА и направили учиться в Киевское танковое училище, эвакуированное в г.Кунгур. После окончания училища он с группой молодых офицеров, получив на Уралмаше новые танки Т-34-85, отбыл на 2-й Белорусский фронт.

«За Москвой,- вспоминал Б.А. Крупейников, - наш эшелон несколько раз бомбили немецкие самолеты, но мы прибыли на ко-

нечную станцию без потерь. В прифронтовой полосе разгрузились. Здесь чувствовалось, что война уже рядом. За лесом гремела артиллерийская канонада, там то и дело вверх взлетали сполохи огня. От линии фронта к железнодорожной станции для отправки в госпиталь шли закутанные в бинты раненые, кто-то из них опирался на палочку, кого-то вели под руки. Мы же без промедления отбыли в расположение полка 8-го гвардейского корпуса, уже не раз отличившегося в предыдущих боях.

В полку нас, новичков, построили. Появился начальник штаба, он среди офицеров выделялся отменной строевой выправкой, на нем была хорошо подогнанная новенькая шинель с ярко начищенными пуговицами, в которой он всегда появлялся перед строем. В одном из последующих боев он так и сгорел в этой шинели в своем танке.

Прибыл командир полка, здоровенный, высокий, намного старше всех нас по возрасту. Первое, что бросилось мне тогда в глаза при знакомстве со своим командиром, это блеск его многочисленных орденов.

Длинных речей не было. Комполка прошел вдоль строя, внимательно всматриваясь в глаза каждого из нас. На другой день он вызвал меня к себе в штаб и почему-то обратился ко мне совсем не по-военному:

— Сынок, как у тебя здоровье?

А потом последовали вопросы:

— Ты женат?

— Нет,- отвечаю.

— Семья есть?

— Да, мама и папа.

— Ты тяжелую машину знаешь?

— Да, в училище приходилось немного ее водить.

— Это хорошо, иди выбери себе из трех тяжелых машин ту, которая тебе больше по душе и возвращайся сюда.

Я опустил в люк облюбованного мною танка ИС «Иосиф Сталин», нажал на стартер, а двигатель не заводится. Танкист в темном комбинезоне, под которым были скрыты его воинские знаки различий, показал мне как нужно запускать двигатель этого танка. Он поднялся на башню, опустил в люк веревку, мы с ним вдвоем с помощью веревки прокрутили двигатель и он завелся. Проехав

несколько сот метров, я поставил танк на стоянку, вернулся к командиру полка и доложил ему, что все в порядке.

— Тогда тебе такое задание, - продолжил командир полка. — Мы стоим в лесу, а за рекой – немцы, они потихоньку постреливают из минометов. Мы же ждем, когда они пойдут в наступление, или нам поступит приказ атаковать их. А мы не знаем, какие противотанковые средства имеет на этом участке фронта противник».

Командир полка развернул на столе карту и, указывая маршрут в стан врага, продолжал:

— Ты должен один, без экипажа, проехать на своем тяжелом танке вот по этой дороге, И он начертил на карте жирную линию. - Затем проследовать вдоль укреплений и вот по этой дороге вернуться обратно. По тебе будут стрелять, а мы будем засекать их огневые точки. При успешном выполнении задания я представляю тебя к званию Героя.

И еще раз спросил:

— Детей-то у тебя нет?

— Нет,- ответил я.

— Ну и хорошо,- завершил разговор командир.

С моего танка сняли дополнительные топливные баки, брезент и все то, что могло гореть. Я сел за рычаги своего ИС, захлопнул люк, выехал на дорогу и взял курс прямо к немцу. Первый снаряд потряс танк ударом в лоб, затем последовали удары в борт, и шквал огня обрушился на мою машину со всех сторон.

Как мне рассказывали потом, бронебойные снаряды немецких батарей, высекая искры из брони танка, с визгом рикошетировали в сторону, осколочно-фугасные снаряды разрывались на броне, не причиняя ей вреда.

Мое же состояние в танке походило в те мгновения на то, как будто я сидел в металлической бочке, по которой колотили гигантской кувалдой. Я перестал слышать. Помутилось сознание. Из носа пошла кровь. Но я крепко держал рычаги, направляя свою машину по указанному командиром маршруту. В указанном на карте месте, повернул обратно. Теперь снаряды полетели в корму, а вскоре обстрел стал ослабевать и совсем прекратился. Я уже был перед успешным выполнением задания. Но впереди протекала речушка. Обзор механика-водителя ограничен, и я не заметил, что мост-то через реку был взорван. Мой танк рухнул с обрывистого берега. Гусеницы вращаются, а движения нет ни взад, ни вперед.

Подъехал командир полка:

— Ах, ты такой разэтакий, мы пошли в наступление, а ты здесь сидишь.

Сейчас подойдут машины, вытащат тебя, забирай экипаж и догоняй нас. Тремя танками вытащили мою 46-тонную махину. Мы осмотрели танк со всех сторон. На его башне, бортах и корме имелось множество отметин от попадания вражеских снарядов. Но не один снаряд не смог поразить броню танка, созданного мастерами знаменитого Танкограда».

Конструкторы Танкограда Ж.Я. Котин и Н.А. Духов работали на опережение противника, они создали в конце 1943 года самый мощный танк Великой Отечественной войны ИС, броню которого в то время не могла преодолеть артиллерия противника. А 122- миллиметровая пушка танка ИС уничтожала танки врага с расстояния 2000 метров.

Танк Б.А. Крупейникова догнал свое подразделение, когда впереди идущие танки полка уже крушили оборону противника. За этот бой Б.А. Крупейникову вручили высшую награду страны – орден Ленина. А вскоре за спасение Знамени части он был удостоен ордена Боевого Красного Знамени.

«Это случилось так,- рассказывал Борис Андреевич,- в ходе боя мой танк прошел через облако дыма и я увидел перед собой горящий танк начальника штаба, из его моторной части вырывались языки пламени, из командирского люка валил дым. Я знал, что в этом танке, вдоль борта, где хранились шанцевые инструменты, было приторочено Знамя полка. Во время атак начальник штаба поднимал Знамя над своим танком. Не раздумывая, я подогнал свою машину почти вплотную к горящему танку, перепрыгнул на его броню, набрал в легкие как можно больше воздуха и почти нырнул в люк окутанной дымом машины. Знамя нашел быстро, воздуха-же мне не хватило, и я чуть не задохнулся в дыму. Но мне удалось, буквально, вырваться из объятий смерти, молодой ведь был, силы хоть отбавляй, и я оказался вне танка со Знаменем в руках».

Войну Б.А. Крупейников завершил в Берлине и Праге, был награжден еще тремя орденами Красной Звезды и двумя орденами Отечественной войны: один орден за то, что раздавил немецкую батарею, два – за освобождение городов Белоруссии, а еще два – за взятие германских городов. Еще одной награды-ордена Трудового

Красного знамени, он был удостоен уже после войны за активное участие в поднятии целинных и залежных земель. Перед выходом в запас он нес службу на военной кафедре ЧПИ. А затем долго работал преподавателем начальной военной подготовки в школе № 11, где и сейчас его вспоминают добрыми словами и педагоги, и его бывшие ученики за науку бескорыстного служения своему Отечеству.

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ

Малой Родиной Агзама Габдуловича Ахметова является деревня Кунакбаева в Кунашакском районе. Здесь 12 апреля он родился. В 1941 году успешно окончил башкирскую среднюю школу в Аргаяше, перед ним открывались широкие перспективы в большую жизнь. 22 июня он находился у себя дома, в деревне Салтыково. Вышел прогуляться на улицу и увидел у конторы чем-то взволнованного председателя сельсовета Байганова. Байганов подозвал его к себе и говорит: «Сегодня немцы вторглись в пределы СССР. Начинается великая война. Возьми коня, скачи в деревню Соболево, передай председателю колхоза вот этот пакет». «В пакете этом, вероятно, был мобилизационный план, — вспоминал много лет спустя Агзам Габдулович, — а мы все тогда были патриотами. Выполнив поручение Байганова, я в этот же день написал заявление с просьбой призвать меня добровольцем на фронт. 28 июня мне вручили направление на учебу в Омское интендантское училище. Но только по прибытии в училище я узнал, что готовят в нем армейских снабженцев и хозяйственников. «Я же подавал заявление на фронт, а на интенданта учиться отказываюсь», — заявил я в приемной комиссии. Дело дошло до начальника училища. Приняв, по-видимому, во внимание, что мне было всего 17 лет, просьбу мою удовлетворили и отправили учиться в Ирбитское артиллерийское училище. В Ирбите мне стало известно, что учиться на артиллериста нужно будет два года. «Нет, — сказал я, — за два года война закончится, а я подавал заявление на фронт». И тогда меня направили в запасной полк, а потом на передовую.

Боевое крещение я принял в конце ноября под г. Чудово в 91-м Уральском лыжном батальоне рядовым минометного расчета. Установив свои минометы на открытой площадке, мы вели огонь через лес. Впечатление было жуткое. Немцы тоже обстреливали наши пози-

ции из всех видов оружия. Они применяли разрывные пули. Земля содрогалась. Каждый взрыв в лесу дважды раздавался эхом. Стоял сплошной грохот и свист, заглушая крики и стоны раненых. Морально-психологическое состояние даже обстрелянных солдат было критическое. И если бы не чувство локтя товарищей, можно было бы и потерять волю к сопротивлению».

Зимой 1942 года А. Г. Ахметов на Волховском фронте, будучи уже помощником командира взвода противотанковых ружей, в бою под железнодорожной станцией Синявино лично заставил немецкий танк остановиться, метким выстрелом перебив ему гусеницу. После этого боя его направили на курсы младших лейтенантов. На передовую он возвратился командиром взвода. В 1944 году под Ригой получил тяжелое ранение. Осколок и сейчас сидит у него под левым предплечьем. Врачи говорят, что лучше его не трогать. О своем последнем дне войны он оставил письменные воспоминания. Аккуратным почерком написав следующее:

«В первые дни мая 1945 года на 2-м Прибалтийском фронте, точнее на участке, расположенном в районе местечка Пурмсаты, шла подготовка для проведения наступательной операции. В соответствии с поставленной задачей мы в течение нескольких дней вели непрерывное наблюдение за передним краем немецкой обороны, изучали расположение огневых точек противника, выбирали ориентиры, готовили данные для осуществления артиллерийской подготовки.

Наша 2-я батарея 246-го минометного полка 21-й артиллерийской дивизии в ночь с 8-го на 9-е мая 1945 года скрытно выдвинулась вперед и под покровом темноты заняла заранее подготовленные огневые позиции. Рано утром на рассвете по команде «гром» должна была начаться артподготовка. И вот по телефону нам передали первоначальную команду «искра», означающую готовность № 1. Однако затем последовала длительная пауза. Команда «гром» почему-то задерживалась. Мы, поднявшись на вершину холма, продолжали следить за линией обороны противника. Время шло. Горизонт на востоке окрасился багровой полоской. Начинался рассвет. Стал хорошо просматриваться весь передний край. Казалось, вот-вот кончится, наконец-то, это утомительное напряженное ожидание, раздастся команда и начнется ураганная артиллерийская обработка немецких позиций. Но случилось непредвиденное. Вдоль всей линии обороны немцев появились белые флаги. В первые мгновения от неожиданности происшедшего нам трудно верилось в реальность происходящего.

Только когда немцы начали выходить из траншей, складывать оружие и строиться для следования в плен, а наши пехотные подразделения во весь рост без единого выстрела пошли к линии обороны противника, мы поняли, что произошло то, чего мы добивались все четыре года войны. Немцы капитулировали. Наступил долгожданный День Победы. Мы стали свидетелями того, как враг, покоривший одиннадцать стран Европы, мечтавший о завоевании всего мира, четыре года терзавший нашу страну, стоял перед нами — советскими солдатами, — подняв руки с белыми флагами. Этот миг войны запомнился мне на всю жизнь.

Снявшись с огневых позиций, мы расположились на отдых посреди большой поляны, ибо ночью нам было не до сна. Примерно в 150 метрах, мимо изготовившихся к бою, но не сделавших ни одного выстрела орудий, нескончаемым потоком в наш тыл шли колонны пленных немецких солдат и офицеров, одетых в серо-зеленые шинели, сопровождаемые красноармейцами. Мы, с удовлетворением наблюдая за этой картиной, незаметно уснули блаженным сном под весенними теплыми солнечными лучами первым мирным сном после победы».

После войны лейтенант А. Г. Ахметов продолжал служить в качестве командира огневого взвода. Ему несколько раз предлагали остаться в армии, но он отвечал: «Нет, я подавал заявление на фронт, чтобы драться с врагом, и полностью выполнил свой гражданский долг, теперь возвращаюсь к мирной жизни». Демобилизовавшись, он работал в Аргаяшском РК КПСС, окончил Челябинский государственный педагогический институт и 27 лет возглавлял ГПТУ в г. Челябинске. В 2004 году майор в отставке А. Г. Ахметов участвовал в параде, посвященном Дню Победы на площади Революции в Челябинске, после окончания которого поделился своими впечатлениями: «Все было прекрасно, но бросалось в глаза, что главная площадь нашего города не была празднично оформлена. Не было тематического оформления и колонн участников парада. Не развивались над ними штандарты и портреты командующих соответствующих фронтов, и совсем оказался забытым наш Верховный главнокомандующий, под чьим руководством была одержана великая Победа, генералиссимус И. В. Сталин. Вот если бы учесть эти замечания, то не был бы парад безликим и соответствовал исторической правде».

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЭСКАДРЫ

Челябинскому педагогу Тамаре Константиновне Никифоровой в начале 70-х годов поручили руководить 5«б» классом, считавшимся наиболее трудным в школе № 10; одних неуспевающих в нем значилось 13 человек. В начале ребята проявили равнодушие к новой учительнице, но, узнав, что она в 1941 году добровольцем ушла на фронт и служила санинструктором дивизиона сторожевых кораблей на Черном море, стали слушать ее затаив дыхание. А Тамара Константиновна вместо обычных нравоучений и призывов не хулиганить и хорошо учиться предложила ребятам создать клуб «Юнга» и жить по законам морского братства. Всем ребятам сшили морскую форму и договорились помогать друг другу, всегда говорить только правду, а в случае получения двойки снимать матросский воротничок и не надевать его до исправления плохой отметки.

Прошло немного времени, и ребят словно подменили. Класс достиг стопроцентного уровня успеваемости, чему удивлялись педагоги, удивлялись родители. А в морской 5«б» класс, составлявший пионерский отряд имени Нахимова, входивший в пионерскую дружину имени подводной лодки «Челябинский комсомолец», раз в неделю приходил из райкома ДОСААФ опытный моряк П. А. Ударцев. Он обучал ребят морскому делу, знакомил с корабельной службой, помогал познать азбуку Морзе, флажковый семафор, учил вязать морские узлы, а летом проводил шлюпочные занятия. Класс часто посещали моряки-североморцы с подшефной подводной лодки и информировали юнгов о новостях флота. Но самые интересные эпизоды из жизни моряков рассказывала ребятам Тамара Константиновна. Один из ее рассказов, восстановленный по памяти, приводится ниже.

«Освобожденный Севастополь лежал в развалинах. Его жители, пережившие кошмар оккупации, разбирали завалы, расчищали и подметали улицы. Одновременно не менее напряженная работа проводилась в прибрежной полосе моря. Тральщики тралили акваторию бухты, освобождая ее от мин, а водолазы с этой же целью спускались под воду. Все, испытывая величайшее волнение, готовились к возвращению кораблей Черноморского флота на свою главную базу. И лишь волны морского прибоя, как много-много столетий назад, накатывались на песчаный берег, с шумом отступали назад и вновь устремлялись к нему. Чайки по-хозяйски, гордо расправив крылья, пролетали над бухтой, иногда вдруг взмывали вверх,

выдвигали головокружительные кренделя и кричали, как сумасшедшие.

В указанный день и час люди собирались на берегу у памятника Нахимову, переполняли 6-ю Бастионную улицу, Приморский бульвар, с нетерпением всматривались вдаль. И вот, наконец, на горизонте показалась маленькая точка, она быстро возматривалась на фоне голубого неба и голубого моря. Вскоре можно было различить мачты кораблей. Это шла Черноморская эскадра. Впереди линкор «Севастополь» под советским военно-морским флагом. За ним шли крейсера «Ворошилов», «Молотов», «Красный Крым» и «Красный Кавказ». А за крейсерами — миноносцы, эсминцы, подлодки, морские охотники, торпедные катера, тральщики и вспомогательные суда флота. Все они выстроились в бухте по рангам перед зданием штаба флота и, встав на якоря, неделю готовились к параду по случаю возвращения эскадры в Севастополь. Моряки приводили в порядок, драили, красили свои детища, старались, вкладывали в работу душу, поэтому в день парада корабли, украшенные флагами расцвечивания и электрогирляндами, смотрелись прекрасно. Командующий Черноморским флотом на катере проходил вдоль кораблей. Матросы в парадной форме, стоявшие в стройных шеренгах на палубах, отвечали на приветствие адмирала громким «ура». Играли духовые оркестры, гремели залпы орудийных салютов.

А потом начался парад на суше. В первой колонне шли офицеры флота — участники обороны Севастополя, все в орденах. Меня никто не переубедит в том, что кто-то может пройти на параде лучше тех моряков. Восторг, слезы радости переполняли в тот миг глаза севастопольцев. Завершала парад колонна истинных чернорабочих Черного моря — морских пехотинцев. Впереди ее матрос ростом под два метра нес флаг Военно-морского флота — белое полотнище с голубой полосой и звездой с серпом и молотом красного цвета. А как он его нес! С какой гордостью! Какое у него было выражение глаз! На груди блестели награды. Моряки, чеканя шаг, как бы выбивали из мостовой слова: «Моя — земля, моя — земля». Море цветов летело им под ноги и крики: «Спасибо вам, сыночки!» Тот, кто видел все это, не мог не испытать чувство радости и гордости и навсегда остался патриотом своей земли, своей Родины.

После парада в Севастополе начались массовые гулянья. На кораблях состоялись банкеты. Вечером почерневшее небо украсили

разноцветные россыпи фейерверка. Всюду звучали музыка, песни и стихи.

Сверкают под солнцем широкие дали.
В бою заслужили мы славу свою,
Сказали: вернемся, и слово сдержали.
Встречай, Севастополь, морскую семью.
Счастливым народ выбегает на взморье.
Веселая чайка летит над волной.
Встречай, Севастополь, орлов черноморья,
Навеки прославивших город родной».

Вспоминая о своем 5«б», Тамара Константиновна с гордостью рассказывает, как в торжественной обстановке у памятника «Орленок» в Челябинске всем ее ребятам вручили знаки «Юный моряк СССР» и «Матрос 3-й категории». После окончания школы три ученика морского класса поступили учиться в техникумы, а все остальные — в высшие учебные заведения.

Она бережно хранит письма и поздравительные открытки своих бывших учеников, рассказывает о неожиданных и трогательных встречах с ними в последующие годы. В ее комнате хранится много морских реликвий: кораллы, раковины, на стене висит картина Айвазовского «Перед бурей», подаренная мужу — флотскому офицеру Георгию Родионовичу, занимавшему должность военпреда на одном из заводов Челябинска. А у окна располагается попугай Рао — это уже реликвия сына Сергея. Сергей учился в 10-й школе, затем окончил Челябинский медицинский институт, работал в Муслюмовском районе, а потом уехал в Новороссийск и стал трудиться судовым врачом на танкере «Гданьск». Однажды в Атлантическом океане на танкере получили сигнал SOS, требовался врач на кубинское судно. Сергей без промедления пошел на помощь, провел в море сложную операцию и спас жизнь моряку. А через месяц, когда «Гданьск» пришвартовался на Кубе, к его трапу подошла толпа людей в национальных костюмах и попросила разрешение встретиться с доктором Никифоровым. Толпа эта оказалась семьей того самого моряка, которого оперировал Сергей. Кубинцы благодарили советского врача, а затем самый пожилой из них с красивой птицей в руках обратился к нему со словами: «Вот этого попугая зовут Рао, он прожил в нашей семье сто лет. Мы дарим его вам за спасение нашего внука». Теперь

Рао уже 130 лет, он почти ослеп. Тамара Константиновна кормит его из рук и ухаживает, как за ребенком.

О другой реликвии сына она вспоминает с содроганием. Показывая чучело детеныша акулы, рассказывает, как Сергей с товарищами во время якорной стоянки отошел от «Гданьска» на шлюпке и нырнул в воду, чтоб достать раковину со дна морского. Вдруг мелькнула зловещая тень, и он увидел огромную акулу, сделавшую вокруг него первый круг. Как ему удалось вынырнуть и оказаться в шлюпке, Сергей помнит плохо. А следом за ним на поверхность всплыл труп морского хищника. Спасло Сергея чудо. Проплывавшие мимо дельфины напали на акулу и распоролы ей брюхо. Когда ее подняли на палубу и стали потрошить, то в животе обнаружили детеныша длиной в 63 сантиметра. Чучело его теперь хранится в Челябинске у Никифоровых.

Будучи на пенсии Тамара Константиновна с увлечением занималась садоводством, участвовала в работе совета ветеранов ВМФ. «Мы с дедом жизнь не зря прожили, — говорила она в заключение беседы. — У нас замечательные дети и внуки. С приходом так называемых реформаторов они не бросились в торговлю, им чуждо накопительство. Дочь Наташа, окончив десятую школу и медицинский институт, работает врачом в областной больнице. Внучка Катя, окончившая эту же школу и педагогический институт, стала преподавателем иностранного языка. Внучка Маша окончила школу с медалью и поступила учиться в Медицинскую академию. У сына Сергея тоже двое детей. Дочь Ирина окончила университет, а Сергей Сергеевич — наш пока единственный внук, поступил учиться в Суворовское училище. То есть традиции нашей семьи — служить Родине и служить людям — продолжают. Ну а что касается меня, то я только что возвратилась из госпиталя. Своему лечащему врачу сказала: «Давайте мне любые таблетки, я съем хоть какую гадость, но только чтоб 60-летие Победы я смогла встретить, как полагается, в надлежащей форме».

О ЖИЗНИ ПРОШЛОЙ И БУДУЩЕЙ

Федор Ильич Авдеев в 60-е годы работал директором челябинской школы-интерната № 4 для детей, перенесших полио-

миелит и сколиоз. Он любил свою профессию, любил детей. Ребята с нетерпением ждали его уроки потому, что удивительно интересными рассказами он увлекал своих учеников в необыкновенную и необъятную страну знаний. Но иногда он прерывал свой рассказ, отворачивался лицом к доске, а через несколько минут вновь продолжал урок. Школьники знали, что кратковременное нарушение речи у Федора Ильича — результат контузии, полученной им осенью 1941 года в сражении под Москвой. «Мы тогда, — рассказывал Ф. И. Авдеев, — сидели в одиночных, выкопанных в земле, ячейках метров 15 друг от друга. У каждого — винтовка, противогаз, лопатка, вещмешок с двумя банками консервов и сухарями. На ногах — обмотки, которые в то время мы предпочитали сапогам. Ведь в голенища сапог в походе всегда попадали снег и вода, а обмотки надежно предохраняли от таких неудобств. Через наши головы зловещие самолеты летали бомбить Москву, сбрасывали на нас большие и мелкие, светящиеся и шумовые, с сиреной, бомбы. Однажды сбросили бочку, а в ней оказался человек и записка «Вот вам еврей, ваш правитель». Иногда становилось жутко, мурашки по спине бегали. А в тот вечер вражеские самолеты, тройками вынырнув из-за леса, один за другим с особенной тщательностью атаковали наши позиции. Оглушительные разрывы следовали беспрерывно слева, справа, впереди, и вдруг все потонуло во мраке. Очнулся я в медсанбате. «Контузия, поврежден тройничный нерв», — сказали мне врачи. Более месяца находился я на больничной койке.

А в это время в далеком белорусском селе немцы схватили девушку по имени Лена Сверская, привезли в Оршу, где железнодорожная станция была переполнена такими же, как она, девушками и юношами. Под истерические окрики охранников затолкали всех в товарные вагоны. Всюду раздавались вопли, рыдания и плач. А по громкоговорителю на чистом русском языке сообщалось, что уезжают молодые добровольцы, изъявившие желание работать на предприятиях великой Германии.

Поезд тронулся. Было холодно и неудобно. За маленькими окнами товарного вагона промелькнули последние домишки с покрытыми слоем снега крышами, и начался лес. «Я обратила внимание, что на вагонных окнах нет решеток, — вспоминала Елена Власовна, — и решила выпрыгнуть из вагона на ходу поезда. Меня отговаривали: «Что ты делаешь, ведь калекой останешься». Но я вылезла из окна, встала ногами на деревянную рейку, ветер бросал мне в лицо

холодные снежные хлопья и стремился оторвать меня от вагона. «Ну будь, что будет!», — подумала я и, слегка оттолкнувшись ногами, полетела вниз. Хорошо, что было много снега. Я отползла по сугробу поближе к насыпи, чтобы не увидели из последнего вагона охранники, а когда поезд прошел, вернулась домой. Пряталась в подполе до тех пор, пока не освободила наше село Красная Армия. Ах как хорошо было после долгих месяцев оккупации почувствовать себя вновь свободной, жить среди друзей и никого не бояться. Не раздумывая, я записалась добровольцем в Красную Армию. Меня зачислили в 5-й батальон воинской части, входившей в 1-ю воздушную армию. Там впервые я увидела статного, гвардейской выправки, солдата, который не пил, не курил, свои порции махорки и водки отдавал товарищам. В нашем батальоне было много красавцев-мужчин, но этот почему-то впал в мою душу и всегда стоял перед моими глазами, а когда он появлялся в нашем подразделении, то сердце мое замирало от волнения и хотелось петь и танцевать от радости».

Этим солдатом был Ф. И. Авдеев. После выздоровления он вернулся в свою часть, участвовал в наступлении, освобождал подмосковные города и села, а потом служил в штабе.

Вскоре Ф. И. Авдеев и Е. В. Сверская поженились. После войны жили в Белоруссии, помогая друг другу, учились. Федор Ильич – в Могилевском пединституте, Елена Власовна – в педтехникуме. Потом работали на целинных землях, откуда приехали в Челябинск. После выхода на пенсию все свободное время отдавали общественной работе. Ф. И. Авдеев был активистом Советского районного и областного ветеранских советов, там его помнят и сегодня. Недавно позвонил ему председатель областного совета ветеранов П. М. Кузнецов и предложил возглавить молодежную комиссию. Но, увы, с годами у Ф. И. и Е. В. Авдеевых ушло и здоровье, оба часто болеют, Федор Ильич с трудом передвигается по комнате. А Елена Власовна в 2001 году в 79-летнем возрасте решила съездить к себе на родину в Белоруссию, к несчастью, там заболела и попала в больницу г. Минска. По возвращению в Челябинск она с восторгом рассказывала: «Я была просто удивлена, какие изумительные чистота и порядок поддерживаются в белорусских больницах. Все у них есть, все на месте, медицинское оборудование самое современное, питание прекрасное, в рацион больных обязательно входят мясные блюда, а по вечерам медсестра делает обход и спрашивает, кто будет пить кофе, а кто компот или чай. Больные и врачи часто спрашивали меня:

«Скажите, неужели правда, что в России больные в больницах сами оплачивают лекарства?». Мне было стыдно и горько отвечать на этот вопрос».

Приобретение лекарств, лечение в стационаре теперь для челябинцев стало проблемой. И, как выяснилось, при размышлении о жизни прошлой и будущей ветеранов волнует не их личное состояние. «Мы прожили славную жизнь, нам есть что вспомнить и чем гордиться, — говорили Ф. И. и Е. В. Авдеевы, — нас беспокоит лишь будущее детей и внуков. Нашей заветной мечтой является скорейшее объединение Белоруссии и России, чтобы народы-братья вновь жили вместе, а челябинские больницы стали такими же, как в Белоруссии».

28 августа 2004 года Ф. И. Авдееву исполняется 85 лет. Поздравить его придут сын, две дочери, три внука и три правнука. Готовился поздравить его и совет ветеранов. Все желали челябинским белорусам Авдеевым хорошего здоровья, дожить до столетнего юбилея и чтоб сбылись все их мечтания.

О НЕЗАБЫВАЕМОМ

Бех Николай Агеевич – донской казак, родился в 1921 году. До войны работал учителем младших классов в станице Новороговская. В марте 1941 года его призвали в РККА. Спустя много лет, в канун 62-й годовщины со дня Победы, в одной из встреч в школьном музее его попросили поделиться воспоминаниями о давно прошедшей войне и о наиболее памятных эпизодах из своей богатой фронтовой биографии. Отдельные фрагменты его рассказа мне в тот день удалось записать. А начал свой рассказ Н. А. Бех с московской битвы.

«После двухмесячного пребывания в учебном батальоне мы отбыли к месту формирования 8-й танковой бригады, в район станции Костерево. Там меня определили в экипаж танка «Т-34» радистом. А вскоре, 24 сентября 1941 года, вместе с бригадой перебросили на защиту Москвы. Линия фронта к тому времени стабилизировалась в 370 километрах от столицы. Там шли бои местного значения. Немцы готовились к решающему наступлению. Они разработали план операции «Тайфун», замысел которой заключался в том, чтобы прорвать линию обороны советских войск севернее и

южнее Москвы и окружить город. Гитлер заявил, что ни один русский солдат, ни один житель – будь то мужчина, женщина или ребенок – не должны выйти из окружения. Он считал, что Москва и ее окрестности будут затоплены водой. И вода навсегда скроет столицу русского народа от цивилизованного мира. Свое наступление немцы наметили на 30 сентября. А наша бригада атаковала врага на пять дней раньше. И вначале имела успех. Местность в районе деревни Лужная была заболоченная, покрытая мелким кустарником. Танк командира роты Москвина, преследуя противника недалеко от деревни, провалился в болото и застрял. Наш танк приблизился к нему на помощь. Из командирского танка вышли механик и радист. Они долго возились, пытались зацепить буксирный канат. Немцы в это время усилили огонь по танкам. Спасаясь от пуль, радист и механик спрятались за гусеницы. К ним на помощь выскочил башенный стрелок, но был сражен наповал. Лейтенант Москвин, приоткрыв люк, что-то кричал. Но раздалась длинная автоматная очередь. Пули, отрикошетив, пересекли командирский люк. Лейтенант откинулся назад и упал в танк. Люк за ним захлопнулся. Немцы, прикрываясь кустарником, подступали к нашим танкам со всех сторон и уже бросали гранаты. Я постоянно держал радиосвязь с комбатом, докладывал ему обстановку. Но у комбата дела складывались не лучше, чем у нас, и он приказал оставить танк Москвина на месте и срочно следовать в батальон. Мы успели взять к себе радиста командирского танка, затем механика. Пули щелкали о броню, как горох, одна из них достала механика, когда он был почти в танке. Механик стонал от боли, на ходу ему делали перевязку. Наш пулемет работал, не умолкая до тех пор, пока мы не вышли из-под огня. У всех болела душа за оставшегося в танке Москвина.

Утром следующего дня бои возобновились. Бригада спешила на помощь застрявшему танку. Но было поздно. Немцы облили танк горючим и подожгли. Лейтенант Москвин погиб. Это был первый эпизод на фронте, который потом мне часто снился и который забыть невозможно.

5 декабря началось контрнаступление советских войск под Москвой. 6 декабря танки 8-й бригады приняли на броню пехоту и, поднимая снежную порошу, рванулись на запад. К деревне Трехднево мы подъехали рано утром. Было еще темно. Немцы спали,

разместившись в избах селян. Появление советских танков для них оказалось полной неожиданностью. На окраине деревни, у дороги, стояла немецкая пушка. Механик-водитель, златоустовец Виктор Павлов бросил на нее свой танк. Немцы спохватились слишком поздно. Спасая свое орудие, они стащили его в кювет. Павлов остановил танк, открыл люк и из пистолета расстрелял неуспевших бежать артиллеристов. Остальных завоевателей автоматчики выводили из домов с поднятыми руками. Днем мы освободили еще несколько деревень. К вечеру подъезжали к большому селению. Ехали лесом. Постепенно лес стал редеть. За деревьями уже просматривались избы и хозяйственные строения. Наш танк шел вторым за танком командира роты Фролова. И вдруг из селения раздался артиллерийский выстрел. Яркой вспышкой снаряд разорвался на танке Фролова. Танк не загорелся. Автоматчиков же как ветром сдуло, они попрыгали на землю и стали занимать оборону. Комбат по радиации приказал прекратить движение. Мы остановились. А танк Фролова, словно не услышав команду командира, не снижая скорости, понесся вперед и скрылся за домами селения. «Вероятно, у него вышла из строя радиация», – подумал я.

Зимние дни короткие. Стало совсем темно. От Фролова же никаких сведений не поступало. А среди ночи он со своим заряжающим пешком заявился в бригаду и доложил, что их танк потерял управляемость и они покинули его, спрыгнув на ходу. Под утро пришел третий член экипажа – стрелок-радист В. Кулаков и рассказал, что после попадания снаряда в танк он потерял сознание, а когда очнулся, то увидел, что люк механика-водителя сорван, а сам механик-водитель сидел на месте, но без головы. Танк же, наехав на вековую сосну, заглох и остановился. Убедившись, что противника поблизости нет, Кулаков через нижний люк выбрался наружу и окольными путями пришел в бригаду.

Контрнаступление успешно развивалось. Поддерживая пехотные дивизии, мы заняли деревню Ямога. Гитлеровцы бежали по направлению города Клина, а наши автоматчики зашли с фланга и встретили их огнем из леса. Когда мы подъехали, то увидели на поле боя много подбитых и горевших машин, всюду валялись трупы оккупантов. Нам не разрешалось выходить из танков. Но механик-водитель Павлов был отчаянным парнем, вышел наружу, я последовал за ним. Под автомашиной лежал на спине, раскинув руки в стороны, здоровенный фашист, притворившись убитым. Павлов

попросил у пехотинца винтовку со штыком и ткнул штыком в ладонь фашисту. Гитлеровец как вскочит да как закричит. Его немедленно поставили в колонну пленных.

После московской битвы нашу бригаду переименовали в 3-ю гвардейскую тяжелую танковую бригаду, вручили гвардейское знамя бригады и поручили хранить его нашему экипажу. А через некоторое время нас перебросили под Сталинград. Я тогда был уже механиком-водителем. В одном из боев оборона на подступах к Сталинграду не выдержала натиска врага. Начался всеобщий отход. Командиры пехоты с трудом сдерживали своих бойцов. Кругом рвались снаряды и мины, вверх взлетали комья земли, густой черный дым от подбитых и горящих машин стелился по полю. Казалось, что еще немного и начавшийся отход перерастет в паническое бегство. И тогда наш комбриг приказал знамя части развернуть и атаковать врага. С развивающимся над башней Красным знаменем с изображением В. И. Ленина и И. В. Сталина наш танк вырвался вперед. Все оставшиеся в строю танки бригады последовали за нами, держа равнение на знамя, и дружно вели огонь на ходу из пушек и пулеметов, давили оккупантов гусеницами. Пехота, увидев результаты работы танкистов, оправилась от удара и тоже перешла в наступление. В этом бою мы понесли большие потери. Получил ранение и наш комбриг. Но Красное знамя сделало свое дело, оно мобилизовало бойцов, воодушевило их на ратный подвиг, и первоначальное положение на поле боя было восстановлено. Вот из таких маленьких эпизодов складывалась наша фронтовая жизнь», – подытожил свой рассказ Николай Агеевич. А потом долго отвечал на вопросы любознательных школьников.

После Сталинграда Н. А. Бех участвовал в Курской битве, освобождал Украину, Белоруссию, в бою за румынский город Плоешти спас раненого начальника политотдела бригады, вытащив его из горящего танка. И едва укрылся с раненым в ближайшей воронке, танк взорвался, башня его отлетела на несколько метров в сторону. Войну Н. А. Бех закончил в Кенигсберге, откуда его направили учиться в Саратовское танковое училище, где и встретил он день Победы.

Во время учебы в училище Н. А. Бех практику по сборке танков проходил в Челябинске и в столовой ЧТЗ встретил необычайно красивую девушку. Познакомился с ней и понял, что нашел самое дорогое в жизни – девушку своей мечты. Девушку звали Люба. Она

ответила ему взаимностью, и они вскоре поженились. Вместе прожили большую жизнь, воспитали троих детей, четырех внуков и двух правнуков. Их сын Сергей пошел по стопам отца, став офицером-танкистом. Н. А. Бех после окончания ЧГПИ работал инструктором ОК КПСС, затем служил в УВД. Ныне он полковник в отставке, возглавляет секцию ветеранов танковых войск Советского района. За активную работу среди ветеранов награжден почетной грамотой РКВВВС и по-прежнему является желанным гостем в школьном музее.

В 1997 году Николай Агеевич, как участник Московской битвы, побывал вместе с внуком Василием на приеме в московской мэрии, устроенном по случаю празднования 850-летия Москвы, где мэр Лужков вручил его внуку фантастический пригласительный билет на празднование 900-летия столицы. Этот билет дает право Василию в 2047 году представлять на юбилейных торжествах в столице своего деда – участника Великой Отечественной войны и героической обороны Москвы.

НА МАНЬЧЖУРСКОЙ ГРАНИЦЕ

Иван Максимович Попов, работавший до 1941 года директором школы № 1 в Верхнеуральске, был призван в армию в самом начале войны и проходил службу на Дальнем Востоке рядовым бойцом. В 1946 году, возвратившись с фронта бравым старшиной, работал преподавателем в Белорецком ремесленном училище и часто делился воспоминаниями о войне и военном времени.

«В первый год войны, — рассказывал он, мы сидели в одиночных окопах на расстоянии метрах в 100 друг от друга. Японцы на маньчжурской границе вели себя вызывающе. Кричали нам бранные слова, размахивали шашками, показывали задницу и даже заезжали на нашу территорию, а мы имели строгий приказ не поддаваться на провокации. После Сталинграда японцы безобразничать перестали. Притихли.

Летом 1945 года к нам стали прибывать войска с запада. Лихие, прошедшие через пекло боев, красноармейцы выглядели героями. Бывали случаи, когда послушав рассказы о нашей службе на границе, они, подогретые спиртом, со словами «И это вы здесь так жили?», заводили боевые машины и крушили пограничные

укрепления японцев. А со стороны японцев — ни одного выстрела. Они молчали, как мы в 1941 году.

Больше всех завидовал фронтовикам ефрейтор Семенов. Его беспокоило то, что кончится война с Японией и ему придется возвращаться домой без наград. А дело к тому и шло, так как мы обслуживали наземные объекты летной части и в прямые контакты с противником не вступали. Однажды, во время передислокации в Маньчжурии, мы вдруг увидели, как между сопок скачет в нашу сторону эскадрон японцев. Быстро приготовились к бою. Но поступила команда не стрелять. Японцы выбросили белый флаг. Подскакали. Остановились вблизи. К нам подъехали двое, используя разговорники, мы поняли, что японцы просят нас взять их в плен. Возиться же с ними в планы командира не входило, и он приказал Семенову проводить японцев в соседнюю пехотную часть.

На другой день Семенов вернулся радостный и сияющий. «Вы знаете, — рассказывал он, — привел я пленных, а там — наш генерал. И он распорядился наградить меня орденом».

После войны я встречал Семенова в Челябинске. Он работал шофером. На лацкане его пиджака красовались орден Красной Звезды и медаль «За победу над Японией».

ТУЧКИ НАД ГОРОДОМ ВСТАЛИ...

Слова П. Арманда Муз. П. Арманда
(Из коллекции песен наших отцов и дедов)

Тучи над городом встали,
в воздухе пахнет грозой.
За далекой, за Нарвской заставой
парень идет молодой.

Припев

Далека ты путь дорога...
Выйди, милая моя!
Мы простимся с тобой у порога,
И, быть может, навсегда...

Черные силы метутся,
Ветер нам дует в лицо.
За счастье народное бьются
отряды рабочих бойцов.

Припев

Далека ты путь дорога!!!
Выйди, милая, встречай!
Мы простимся с тобой у порога,
ты мне счастья пожелай.

Припев

Жаркою страстью пылаю
сердцу тревожно в груди.
Кто ты? Тебя я не знаю,
но наша любовь впереди.

Припев

Приходи же, друг мой милый!
Поцелуй меня в уста,
и клянусь, я тебя до могилы,
не забуду никогда.

Содержание

Память о штурме Берлина	3
От плацдарма до плацдарма	7
Сам погибай, а катюшу спасай	11
Отступление	13
Неутомимый ветеран	17
Бомба-дура, а мина-молодец	21
Боевое задание	23
Последний день войны	27
Возвращение эскадры	30
О жизни прошлой и будущей	33
О незабываемом	36
На маньчжурской границе	40
Тучки над городом встали	42
Содержание	43

Попов Лев Алексеевич
БОЙЦЫ ВСПОМИНАЮТ
(Вспоминают ветераны г. Челябинска)
Серия 11. Педагоги в боях за Родину.

ДЛЯ ЗАМЕТОК